Пятница пятница, персонаж в восточнославянской и отчасти южнославянской традиции, продолжение главного женского божества славянского пантеона Мокоши.

Позднее культ П., соединяющийся с христианским культом святой Параскевы-Пятницы у восточных и святой Петки у южных славян, сохраняет некоторые черты исходного языческого образа в народной демонологии. У восточных славян П. персонифицированное представление нечётного дня недели, следующего за чётным днём, четвергом, посвящённым различным ипостасям громовержца Перуна.

В паре Четверг Пятница, воспроизводящей более древнюю Перун Мокошь, особенно ясна взаимная связь противопоставлений чёт нечет и мужской женский. П. иначе называлась льняницей (покровительницей пряжи и льна, который женщины начинали мять с 28 октября старого стиля дня, посвящённого П.), «бабьей святой», занимающейся повоем.

В день П. запрещено прясть, по пятницам нельзя купать детей, кто не постится в святую пятницу, может утонуть. По украинским поверьям, П. ходит исколотая иглами и изверченная веретёнами (до XIX в. на Украине сохранялся обычай «водить П.» женщину с распущенными волосами), потому что нечестивые женщины шьют и прядут в посвящённые ей дни (по другому поверью прядут не лён, а волосы Недели, отождествляемой или соединяемой с П.).

Согласно «Стоглаву» и другим древнерусским текстам, в день П. женщины не пряли и не стирали («мыли») платья, а мужчины не пахали, чтобы не запылить П. и не засорить ей глаз. В случае нарушения запретов П. может покарать болезнями глаз и другими бедами.

В болгарской песне с жалобами на нарушающих запреты, связанные с П., обращаются к Илье-громовнику дева Мария и Мария Магдалина. Соединение женского мифического персонажа с водой и пряжей отражено в общеславянском мотиве: в восточнославянском варианте баба-яга задаёт героине работу прясть, а та убегает от неё, причём путь погоне преграждает река; в южнославянском варианте Параська (ср. Параскева-П.), взятая в плен турками, осталась непреклонной и бежала из гарема, охраняемая ангелом; спасаясь от погони, она превратилась в чистую криницу.

У восточных славян деревянные скульптуры П. ставились на колодцах, ей приносили жертвы, бросая в колодец ткани, льняную кудель, выпряденные нитки и овечью шерсть (название обряда мокрида непосредственно связано с основой *mok-гъ, от которого образовано имя Мокоши, соединяющее мотивы пряжи и влаги-воды). Сохранились ранние свидетельства почитания восточными славянами двенадцати П., которые в своей негативной функции могут быть соотнесены с двенадцатью лихорадками (в частности, есть поверье, что от лихорадки избавляется тот, кто постится в шестую П.); как двенадцать сестёр выступают и полуночницы, сходные по функции с Мокошью и П. И у восточных, и у южных славян П. (святая Петка) связывается с мышами.

В украинских сказках святая П. вместе с Понедельником и Средой выступает в качестве трёх персонажей, по функции сходных с тремя Ягишнами, несущими службу на подступах к городу. В духовных стихах П. описывается как женщина со свечой, дающая заповедь поститься в свой день.

На старых северорусских иконах (в частности, на новгородской иконе второй половины XIII в., предназначенной для женского монастыря) П. может изображаться на обороте образа богоматери. Типологически славянские параллели о П. имеют общие черты с таджикской Биби-Сешанби («госпожа вторник»), а также с мифологическими образами женщин, прядущих пряжу судьбы типа греческих мойр, исландских норн, хеттских ткачих.

Литература :

Афанасьев А. Н., Поэтические воззрения славян на природу, т. 1 3, М., 1865 1869;
Иванов В. В., Мотивы восточнославянского язычества и их трансформация в русских иконах, в книге: Народная гравюра и фольклор в России XVII XIX вв., М., 1976;
Новиков Н. В., Образы восточнославянской волшебной сказки, Л., 1974;
Померанцева Э. В., Мифологические персонажи в русском фольклоре, М., 1975;
Потебня А. А., О мифическом значении некоторых обрядов и поверий, «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете», 1865, июль сентябрь, кн. 3.